

СВЕТ ЛЮБВИ

Рассказ

— И-шь, лыбится! — со злостью прошипела Прасковья, обращаясь к снохе: — Ш-у-урк! Посмотри на него. Умирал, умирал, а вспомнил ее и расцвел!

— Да, может, вас увидел, мама? Радуетса, что живой? — предположила сноха.

— Ага, мне радуетса!.. Дворяночка ему привиделась, чтоб ей на том свете покоя не было! Прости, Господи... — перекрестилась. — Всю жизнь мне поперек дороги! Он ведь сколь раз меня Настей называл во время этого дела!

Шура прыснула мелким смехом, прикрыла рот передником:

— А зачем замуж за него выходили?

— Ну, а как?.. Богатый был. Пришел меня сватать — на груди три «Георгия», усы торчком, галифе, сапоги хромовые скри-ипя-ят. А мне уже шестнадцать было. Подумала: чем с чужими детьми нянькаться, так лучше своих народить. У него-то, — кивнула на деда, — двое уж было, — она мотнула головой немного назад и в сторону, — от этой!..

Из-за нахлынувшего негодования свекровь поджала губы так, словно их вовсе не было. Одернув съехавший на сторону передник, повернулась к зачарованной откровенным рассказом снохе и с досадой в дрогнувшем голосе продолжила:

— Рассчитывала, что жалеть меня будет, все ж на десять годов старше, ан вон как!.. — Прасковья повела взглядом поверх Шуриной головы, отыскивая на божничке икону тезоименитой святой, но рука, уже занесенная для осенения крестом, обмякла.

Егор Акимович застонал, медленно перевернулся на другой бок и засопел с надрывным придыханием.

После встречи нового 1966 года он поправлял здоровье в бане у среднего сына Андрея. Долго парились, а потом изрядно выпили. Он не любил самогон — дыхание перехватывает, сладенькая бражка — другое дело, она для организма благоприятна, если принимать в меру. Когда возвращался от сына, распаренное тело не ощущало холода, вот и продуло.

Егор Акимович вновь закашлял, сквозь сухоту, раздравшую легкие грубым рашпилем, из последних сил втянул воздух и, словно провалился в глубокий сруб колодца, сознание помутилось, но успел отметить:

— Как ладно подогнаны бревна!

Летел и вдруг оказался на лесной поляне в светящемся облаке, а вокруг земляника.

— Е-е-го-о-орша-а!..

Он вздрогнул, услышав Настин голос.

— Где ты?.. Душа моя!.. — прокричал, вслушиваясь в притихший лес.

Но тщетно. Ветер неожиданно резко ударил в лицо, перехватив дыхание, чем вызвал новый приступ кашля.

Но Егор Акимович все же расслышал:

— Я жду тебя!.. Жду-у-у! — повернулся. Темная стена.

Очнулся, медленно приходя в сознание, от звонкого голоса снохи:

— А дальше-то чё, мама?

Поморщился:

— Опять мои косточки перемывают! — закрыл глаза и попытался уснуть.

Понизив голос, свекровь продолжила изливать свою извечную боль:

— Ревновала его страшно к этой... покойнице. Может, поэтому, может, молодая была, но первые четыре младенчика вскорости умирали. Уж сколь я свечей в церкви пожгла — все без толку! Пока не попросила у Насти прощения. Ведь она сама, — свекровь обмахнула себя крестом, пошлепала губами, беззвучно произнесла молитву, — умерла родами.

— И вы решились? — ужаснулась Шура.

— Ну, а куда от нее проклятуей денешься? Сейчас-то и ругнуться можно, а тогда молила ее, как Богородицу, чтобы разрешила мне детишек родить от Егора, а сама уж на сносях была. Петрушка родился

А

крепеньким мальчонкой, уж его отец баловал да и потом любил больше других. После Петри родилась Катря, затем Ондра, Дуська, Васька, Кланька. Теперь во внуках разобраться не могу: кто чей?.. Шучу-у. А вот даст Бог дожить до правнуков, тогда да, а пока всех помню, — она присела на лавку, что тянулась вдоль стены на всю ширину избы, прикрыла глаза, положила руки ладонями на колени.

— Ма-а-м, вы бы в горницу пошли, отдохнули, пока у тяти приступа нет, — предложила Шура, — или вон, хоть на печку.

Свекровь медленно поднялась, и они тихонько прошли в светелку.

В комнате было три окна, печь-голландка, самодельный шифоньер, самодельный же комод, две кровати и качалка. На усталом половике полу сидел, как сытый суслик, любимый внук Серега, а в качалке спала Олюшка. Бабушка прилегла на краешек кровати, наблюдая, как внучок что-то городит из струганных деревянных плашек.

Шура одевалась на работу. Она приходила покормить Олюшку. Но пора бежать: колхозные телята тоже ухода требуют.

Егор Акимович слышал ворчание жены, но его вновь позвал Настин голос, и он шагнул навстречу своей юности и любви...

* * *

Во время массового переселения из вятских земель в Сибирь, в одна тысяча девятьсот четвертом году, Настя осиротела. Она была поздним и единственным ребенком в семье мелкого волостного чиновника. Папенька с маменькой старались, в меру своих финансовых возможностей, баловать любимого ангелочка. Но внезапная болезнь отца, затем отставка — резко поменяли жизнь в их семействе. Из отдельного дома они переехали на съемную квартиру, отказались от услуг кухарки, стали потихоньку продавать «лишние» вещи. А когда мимо их окон потянулись вереницы обозов и по городу пошли разговоры о сказочных возможностях на новых землях, папенька решился на отъезд. Деньги, что долго копили Насте на приданое, потратили на покупку двух лошадей и телеги...

И вот Настя одна среди незнакомых хмурых людей. Ее душу изъедает неопределенность.

— С родных мест сорвались. А что там, в этой Сибири?.. — она тихо плакала, машинально управляя исхудавшей лошадейкой, и повторяла: — Что там, в Сибири?

Слезы застили глаза. За время долгого перехода Настин скарб значительно убавился. Что-то обменивала на продукты, на оплату достойных похорон родителей: плакальщицам, плотнику; а часть умыкнули «попутчики». Раньше вещи еле умещались на двух телегах, теперь все легко разместилось на одной.

Шел к исходу второй месяц пути, когда Аким Ерасович, отец Егорки и Акима, подвел к задремавшим в телеге сыновьям исхудавшую лошадь, с трудом тащившую полупустую телегу, и представил возницу:

— Вот, парни, это Настя! Хотя и дальняя родня, но... — отец многозначительно помолчал. — Чтоб пылинки с нее сдували! — и, понизив голос: — Сирота теперь!.. — строго посмотрел на каждого из братьев. — Ты, Настенька, их не чурайся. Парни славные, хоть и шалопаи, конечно, но в обиду не дадут, — на всякий случай погрозил сыновьям пальцем. — Ну, оставайтесь с Богом, а я пойду. Караван-то у нас большой. Почитай, всей деревней с родных мест снялись! Меня нынче вроде старосты выбрали. Пойду, пригляжу, как там, — и скорым, размашистым шагом Аким Ерасович направился вдоль растянувшегося обоза...

Аким и Егорка охотно взяли под опеку девушку, как им показалось, с нарочитой статью; уж очень она отличалась от привычных для их взгляда сельских красавиц.

— Гляжось, Егорка! У нее в спине словно стержень какой-то!.. — искренне удивился Аким. — Хоть бы раз голову склонила!

— Ага, братка! — согласился Егорка. — Я картинки видел в книге у дьякона, что преподавал «Закон Божий» у нас, в церковно-приходской школе. Точь-в-точь она!.. — он не скрывал своего восхищения. — Говорят, что Настя из обедневших дворян?.. — кинул взгляд на брата. — Видишь, Акимка, какие у нее узенькие кисти рук. С нее только картины писать!..

Аким смотрел на девушку совсем другими глазами. Он нынешней зимой овдовел. Его молодая жена умерла родами. Ребенок как-то не так пошел и... задохнулся.

— Если повитуха не наврала. Как бы там ни было, случившегося не изменить. Были бы кости! — он посмотрел на дробенькую фигуру Насти. — Егорша, пойдик-ось прогуляйся! — подтолкнул брата с телеги. — Э-эх!.. — протяжно выдохнул Аким, махнул решительно рукой, словно перечеркивая прежнюю жизнь, и подхлестнул вожжами лошадь. Догнав Настину телегу, он долго вполголоса беседовал с девушкой.

Егорка напряг слух до потемнения в глазах, но ничего не расслышал; обида и ревность закипали в его душе. Слишком глубоко вошел в мальчишеское сердце образ этой девушки.

— Да что я? — он утер лицо картузом. — Я еще пацан, а Акиму жениться надо!

Егорка опустил глаза долу и старался в их сторону не смотреть...

После нескольких дней общения с Настей Аким объявил всей родне, что женится. И огонек в Егоркиных глазах потух. В течение всего пути и после, на новых землях, он старался не замечать Настю, благо работы было — непочатый край.

За два года распахали пашни, срубили два дома со всеми постройками. Вот когдагодились сбережения и вятская смекалка.

— Не смазав телегу, далеко не уедешь, — часто повторял дед Ерас. И подмазывал, подслащивал, отслюнявливал, отстегивал. Поэтому им повезло и с землей, и с покосами, и с лесом на дома. — Ниш-то ребятки, — успокаивал он свое семейство. — Землица у нас жирная, хлеба нарастут!.. А пока молоко шилом буздать будем!.. Ну, и подножный корм выручит. Леса тут богатые!.. Ниш-то!.. — дед умолкал, его глаза туманились, словно он пытался заглянуть на много лет вперед. — Хорошо жить будем!.. — сжимал кулаки до побеления пальцев и смущенно вытирал проступившую слезу. — Однако трубу прочистить надо, а то глаза щиплет. А вам ничего?.. — и, оглядев свое немалое семейство, улыбался: есть кому фамилию продолжить!

С первым снегом появилась маленькая возможность для отдыха, и вся семья собралась за общим столом в доме деда Ераса. Впервые за два года Егорка осмелился задержать свой взгляд на Насте, хлопотавшей у праздничного стола. Ее уже нельзя было назвать дробненькой. Нехитрая крестьянская одежда не могла скрыть округлившихся Настиных прелестей, от нее шло какое-то мерцающее свечение. Егорка попытался отвести взгляд, но не смог.

— Прости, Господи!.. И ты, братка, прости!.. — прикрыв глаза, взмолился он.

Сквозь ресницы, помимо его воли, глаза искали волнующую сердце фигуру. Егорка, в чем был, вышел на улицу: «Охолонусь, может, полегчает?» И, чтобы чем-то себя занять, стал расчищать двор. Свежевыпавший снег искрился, отражая лунный свет. В каждом изгибе сугроба его воображение рисовало Настину ладненькую фигуру и это непонятное, пугающее, но манящее мерцание.

— Пряма как на иконе! — Егорка испугался этой богохульной мысли, но сравнение ему понравилось. — Боже мой! А как дальше жить?

Он смотрел в небо, ожидая знака. И Господь сподобил. От Егоркиного не в меру громкого бормотания задремавшая на оградной тычине ворона встрепелась, вяло каркнула, набирая высоту, ударила растопыренными крыльями по воздуху и невзначай отметила его вихрастый затылок «кляксой». Он отер пятерней волосы, поглядел вслед удаляющемуся вестнику, улыбнулся:

— Спасибо!.. Добрый знак! — «вымыл» руки снегом и, приободренный, вошел в дом.

Настя была старше Егорки на три года. Она видела, как старательно парень прячет глаза, краснеет, спешит выполнить любую ее просьбу и безропотно помогает по хозяйству. Ее это забавляло.

Охи-вздохи не остались незамеченными для домашних, но для них Егорка был мальчик-песенник, поэтому над ним по-доброму посмеивались:

— Егорушка,хватишь от любви горяшка! Любовь — не мед, кого хошь доймет!..

Он смущался, но продолжал выполнять мелкие поручения любимой снохи.

Когда Настя кормила грудью своего годовалого сына, Егорка всегда был рядом и наблюдал, как его племянник жадно хватает сосок и прижимается личиком к налитой груди. Молока в ней было много, малыш не успевал сглатывать, и оно текло тоненькой струйкой мимо его рта, впитываясь в сорочку. Настя нежно улыбалась, глядя на сына, затем вскидывала взгляд на Егорку: ей было жалко влюбленного парнишку. Иногда она ловила себя на мысли, что рядом с ним ей как-то уютно, тепло.

— Егорушка так забавно краснеет. И реснички такие длинные... Прелесть! — Настя все чаще заглядывалась на него и каждый раз находила в нем новые удивительные качества. — Ой, Егорша, а у тебя глаза опять другого цвета! Только что были карими, а теперь зеленые!

Он терялся, опускал взгляд, подходил к зеркалу, смотрел в него, а глаза были темно-серого цвета. Пожимал плечами:

— Наверно, шуткует...

Однажды они с Настей остались в доме одни: вся семья ушла в церковь, а их оставили на хозяйстве. Быстренько управившись каждый со своим делом, они присели отдохнуть.

— Егорушка, спой что-нибудь для меня, — полушепотом, как о чем-то непотребном, попросила Настя. — Мне страсть как нравится, когда ты поешь!

Егорка окинул ее коротким взглядом, смежил веки, чтобы не отвлекаться и подрагивающим от волнения голосом запел:

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дубрава-мать зеленая...